

ИГОРЬ СОЛОВЬЕВ

**ДЖОННИ РОСС
ДОНОР СОВЕСТИ**

Игорь Соловьев

Джонни Росс, донор совести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68456338

SelfPub; 2022

Аннотация

Выборы на носу. Но поговаривают, что канцлер может и не переизбраться. Он харизматичен, прогрессивен, настойчив, всё при нём. Но аналитики избирательной компании считают, что у него не хватает баллов... «совести». Тогда, может быть, её извлечь из кого-то другого?

Игорь Соловьев

Джонни Росс,

донор совести

– Десятки разбитых за ночь, витрин. Два полицейских дрона утеряно, пять повреждены. И это не считая мелких случаев вандализма и неповиновения полиции. Протестные настроения растут, канцлер, мы не можем этого не учитывать. – докладчик чуть склонил голову, изящно выразив смесь негодования и почтения. Почтение к главе государства и, негодование к тем, кто был виновен в беспорядках.

Канцлер неприязненно поджал губы.

– Чего они хотят в этот раз? Увеличения пособия по безработице? Сокращения квот на замещение рабочих мест роботами? Или может быть дело опять в экологии?

– Мы проанализировали причины недовольства. Боюсь, в этот раз ситуация иная. Избиратели считают всех кандидатов на пост канцлера, включая Вас, не достаточно... совестливыми. Впрочем, Вы правы, проблемы рабочих мест, пособий и экологии тоже волнуют электорат.

Канцлер недоверчиво смотрел на докладчика.

– Я не ослышался? Нашим кандидатам не хватает совести?

– Именно так. Согласно опросам аудитории, главным кри-

териум потенциального кандидата является совокупность его моральных качеств. Проще говоря – совесть.

– Вы верно шутите? В прошлый раз, дабы повысить уровень доверия публики вы подсунули мне мать – гаитянку. "Кандидату не помешает иметь некую изюминку в кругу родственников". Так вы мне сказали. Потом были заигрывания с эмигрантами. Я отметил в каждой группе, во всех мыслимых социальных сетях, где обсуждались проблемы наших новоиспеченных граждан. Я уже молчу про публично выбриту бровь, – память об актрисе из того телесериала... ну же, – канцлер вскочил и пощелкал пальцами, – Тьфу! Я даже не могу вспомнить ни её имени, ни названия канала! Зачем вообще нужны эти пляски перед избирателями?

– Именно ради места, которое Вы сейчас занимаете. Должности уполномоченного канцлера. Срок которого, тем не менее, подходит к концу. И для своего переизбрания Вы должны вновь, на общих основаниях, участвовать в выборах. По крайней мере, мы должны создать их видимость.

– Ну хорошо, – канцлер устало опустил в кресло. – И как же вы собираетесь восполнить недостающую мне "совесть"? Это что, товар который можно купить на рынке? Пойдите, должно быть речь идёт о банальном пиаре? Открытие очередной больницы для бедных, спасение китов и прочая сладкая патока?

– Больницей сейчас уже никого не удивить, господин канцлер. А последний кит этой планеты умер двадцать лет

назад. Так что нет, "совесть" – выражение отнюдь не фигуральное. Мы, в буквальном смысле хотим дополнить Вашу личность, как минимум ещё двенадцатью пунктами морали. А для полного успеха, как сочли наши аналитики, нужно не менее двадцати пяти. И заметьте, – важны не публичные слова, люди перестали в них верить. Чувства, вот это – другое дело. Именно их будут фиксировать приборы и передавать данные миллионам избирателей интересующихся ходом компании. Беспрецедентный шаг государства в сторону открытости и демократии.

– Вы сказали "дополнить" пункты морали. Но ведь это не синтезированные сиськи пришить. Каким образом можно дополнить то, чего нет?

– О! Мы нашли кандидата, имеющего данную характеристику в избытке. Необходимо «перелить» её вам. Мы всё тщательно изучили, между вами идеальная психофизическая совместимость.

– Я не ослышался?"Перелить совесть"? Вы точно меня не разыгрываете?

– О, господин канцлер, поверьте, мы бы не посмели! Я лишь упрощаю ряд научных терминов. Речь идет об особенностях мозговой активности, фиксируемой приборами по методу профессора...

– Оставьте! У меня начинает болеть голова от ваших подробностей. Приму на веру. Перелить так перелить, пес с нею, хоть "совесть", хоть мигрень. Лишь бы было полезно

для нашего общего дела. Вернемся к обсуждению. Вы сказали, что между мной и донором идеальная совместимость?

– Абсолютная!

– Как вы это определили?

– Результаты анализов по ежегодной диспансеризации населения. Один из бездомных попал в выборку, как наиболее полно соответствующий заданным параметрам.

– Бездомный? Вы не могли найти кандидата получше?

– Собственно, он не совсем бездомный. Формально этот человек имеет социальное жильё по реновационной программе.

– А на самом деле?

– Нюанс в том, что старый дом снесли, а новый ещё не построили. Проект "Светлые горизонты", помните? Вы лично участвовали в рекламной компании.

Канцлер поморщился. Потом поразмыслив, констатировал:

– То есть парень слишком доверчив?

– О да. И удивительно честен. Поэтому и остался «без штанов». Вернее, без жилья. Стало быть, отчаянно нуждается в средствах, а поэтому великолепно нам подходит.

Алое закатное солнце провалилось за горизонт, словно рудиментарная двадцатипятицентровая монета в кофейный автомат. По небосводу щедро растеклись бордовые, розовые и лиловые брызги облаков. Отразившись в бесчислен-

ных стёклах небоскребов, они сделали город похожим на старомодную открытку в стиле "Ретро Рок-энд-ролл". Впрочем, здесь, на окраине, такие вещи ценили мало. Это был иной мир, вотчина детей неоновых огней. Никогда не меркнувший свет рекламных вывесок и коммерческих голограмм. Город стиснутый со всех сторон перенаселенными кварталами, нашёл единственный доступный выход, расти вверх. День и ночь гремели многочисленные стройки. Стрелы высотных кранов пронзали небо, строительные леса, казалось, карабкались прямо в облака.

Новая эпоха наползала ковшами экскаваторов на один из старых районов. Он ещё держал оборону, мрачно устремив в сторону захватчиков фасады домов прошлого века. Но теряя здание за зданием, район корчился, чах и постепенно принимал другой облик. Впрочем, здесь всё ещё хватало улиц и переулков, на которых жизнь текла своим, размеренным чередом.

– Эй, Джонни, не желаешь стаканчик кофе? Или, может, купишь его для меня?

– Тебе, Алиса, лучше бы подошло машинное масло. Или что там обычно заливают в гидравлику?

Пришвартованная на тротуаре тележка с фастфудом качнулась в сторону человека. Андроид с внешностью с восточной девушки изображал радость. На левой щеке возникла обворожительная ямочка, – искусственно воссозданный дизайнерскими-разработчиками, мимический дефект. Половин-

ка человекоподобного туловища, по торс встроенная прямо в ящик на колёсах, приветливо поклонилась постоянно-му клиенту. За годы уличной торговли Алиса заметно поистрепалась. Кое-где следовало бы подновить краску, заменить эрзац-кожу, отрегулировать сервоприводы. Это была уже довольно старая модель, снятая с серийного производства. Обладавшая, тем не менее, искусным калейдоскопом запрограммированных чувств и эмоций. Джонни никогда не мог отказать себе перекинуться с нею парой слов. В нынешних куклах всё больше лоска, но меньше искренности. Что и говорить, сейчас всё делают попроще, побыстрее и подешевле. То ли дело раньше.

– Погреть твою любимую картошку? – Одна из крышек тележки с едой призывно распахнулась.

– Нет, спасибо, картофель приелся. Давай чего-нибудь новенького. Вот эта красная коробочка со смешным иероглифом. Что это? Бобы с вермишелью?

– Это, фунчоза с горохом, называется «Да-Бо». А еще этот иероглиф можно трактовать как "Надежду через сомнения". Забавно, что ты его выбрал. Философ прошлого, Фа-Линь говорил, что помыслы человека находят отражение в том, какое блюдо он ест.

Голос Алисы немного отдавал жестью, и еще от бремени лет, буква "Д" звучала из ее динамиков так, будто поезд сцепкой лязгал. Но Алиса была милой даже в этом.

– Да-Бо, говоришь? А выглядит эта закорючка так, будто

тучка ежом какает. "Надежда через сомнения" – надо же...

Ветер гнал по переулку мелкий мусор. Чуть слышно пере-кликались вдалеке полицейские сирены, над головой умиро-творяюще гудел огромный блок кондиционера. Если не счита-ть накрапывающий дождик, было почти уютно. Прохожие с шорохом раскрывали зонты и венчавших их, белые огонь-ки, холодными светлячками плыли по улице. Куда-то в уют-ную гавань; где владельца ждут домашние тапочки, вечерняя порция чистого кислорода и одеяло с подогревом. Джонни, дуя на пальцы, развернул красную коробку с азиатской едой. Как бутон диковинного цветка, бумажные лепестки раскры-лись перед уставшим путником явив своё содержимое. Аро-матный пар острых специй ударил в нос. Человек, склонил-ся над горячим варевом, и с наслаждением вдохнул полной грудью.

Поев, Джонни сыто привалился спиной к трубе отопле-ния. Отодвинув в сторону коробку с остатками еды, негром-ко позвал:

– Кис-кис-кис! Не прячься рыжий разбойник, я тебя за-метил.

Из-за парковочного автомата выглянул разоблаченный кот. Сделав вид, будто не особенно-то и таился, он неспешно прошёл к угощению. Понюхал, фыркнул. И лишь выдержав необходимую своему статусу, паузу, взялся за ужин. Джонни дождался, пока животное закончит трапезу и сядет рядом. И

только когда мохнатый приятель начал тщательно вылизывать лапы, человек ласково потрепал кота по загривку. Кот скосил на человека зеленый глаз, и едва слышно заурчал.

Жаль, но сегодня Джонни придется ночевать на улице. Час назад, Бэн, объяснил приятелю: "Извини старина, ночью на стройку обещали нагрянуть проверяющие. Что-то у них там не ладится, сроки горят. А ну как постороннего увидят в моей каморке? Вмиг с работы выгонят, как мне на пособие семью кормить? Так что не серчай, но придется тебе сегодня поискать ночлег где-то в другом месте".

Так что этим вечером у Джонни не будет уютного продавленного диванчика. На который уже месяц как, его пускал переночевать приятель. Бэн работал оператором охранной системы и давно страдал бессонницей. Всю ночь товарищ смотрел то в дежурные мониторы, то в старенький планшет, транслировавший спортивные матчи.

«Эх, как же всё-таки сейчас не хватает уютного голубоватого света экранов в полумраке дежурки. Кипящего чайника, тарелки галет с сыром, на отполированной локтями столешнице. Да ещё ветхого колючего пледа в широкую клетку. Увы, к хорошему привыкаешь быстро».

Джонни вздохнул и улёгся на мягкий пенокартон, с головой накрывшись широким куском полиэтилена. Закрыв глаза. Постепенно стук дождя по плёнке начал убаюкивать и мягкая дремота обволокла сознание.

– Встаньте и пройдите процедуру идентификации! – сильный толчок в плечо разбудил задремавшего человека. – Немедленно! – полицейская электродубинка со свойственной ей бестактностью вновь пихнула задремавшего человека.

– Томас, какого лешего? – Джонни попытался было перевернуться на другой бок, – У нас же паритет. Я не маячу перед уличными камерами, а ты не гоняешь меня по району.

– Джонатан Росс, встаньте немедленно! – вновь загремел голос.

– О, ты и без всяких процедур меня идентифицировал? Может, теперь оставишь меня в покое? – сонно проворчал Джонни, не делая попыток подняться.

Тогда страж правопорядка наклонился и уже заметно тише добавил, – Джонни, сукин сын, поднимайся! Я не знаю, что ты натворил, но по твою душу такие гости пожаловали!

Большой солидный транспортный челнок перекрыл всю проезжую часть. Рядом, на тротуаре припарковался небольшой изящный аппарат; его белые, стремительные обводы выглядели дико и чужеродно в этом районе. Словно стоячее гнилое болото с бородавчатыми жабами почтил вниманием ослепительный лебедь.

Вокруг сновали какие-то люди в одинаковых строгих костюмах. Накинутые поверх плащи искрились каплями дождя, а лица имели казённо-сухое выражение. Впрочем, это

конечно, являлось метафорой; всё вокруг было насквозь мокрым. Видимо за ночь давешний дождик перерос в ливень и изрядно выстегал тугими струями здешний квартал.

Незнакомцы, отчего-то проявившие к персоне Джонни повышенное внимание, ходили вокруг и фиксировали на видео мельчайшие детали. Как связанные с виновником события, так и с его бытом.

– Ваш кот?

– Мой, – подумав, ответил Джонни.

– Почему не чипированн? – человек в плаще выключил сканер. – Может он еще и не стерилизован?

Кот рассерженно зашипел. Весь его облик красноречиво говорил, – "Только попробуй коснуться моих бубенцов, я тебя самого евнухом сделаю!"

– Это его выбор. Всякий имеет право на самоопределение. – сквозь накатывавшую дремоту ответил Джонни.

– Понятно. – чиновник с сомнением посмотрел на Джонни, потом на кота. – Хотите взять его с собой?

– Конечно. Куда я без него? Всего-то друзей: старина Бэн, да этот кот. Даже и не знаю, зачем я вам такой понадобился.

Парень просматривающий информацию о Джонни, недоверчиво взглянул на гостя.

– У тебя что, даже нет аккаунта в ЦУД?

– А что это такое?

– ЦУД это лицензированный "центр удовольствия". Как можно не знать? Дружище, ты вообще как стресс снимаешь? Или может ты из этих, сектантов-органиков?

Присутствовавший тут же благообразный профессор, поморщился, – Что за грубости, коллега? "Органики" – не секта, а официальное религиозное течение. Многие его члены – наши избиратели. Если уважаемый господин Росс является действующим прихожанином этой церкви, мы с глубоким уважением относимся к его выбору.

– Да какое там, мужики. – Джонни развел руками, – Я, конечно, в Единого Бога верю, но только и всего. Что нужно простому работяге? Баночку хорошего пива после трудовой недели, да веселого собеседника. Ну и за «Вестрингских пингвинов» поболеть, это само собой. А с ваших аккаунтов мне что? ЦУДы-шмуды и прочая чепуха. От них не захмелеешь.

– Какой незамутненный разум, вы только посмотрите, коллега, – профессор улыбнулся, – Просто прелесть.

– Да у него даже разъема нет, – развёл руками, молодой. – Только допотопный считыватель на запястье. Тут надо переходник ставить, у нас нет такого.

– Ну так найдите. И чтобы через полчаса уже все работало, – из голоса профессора вдруг пропало все радушие и звякнул металл. За спиной молодого сотрудника немедленно материализовался тип в строгом костюме. Лицо его напоминало морду собаки-боксёра: тяжелая челюсть, сильно раз-

витые надбровные дуги, ничего не выражающие оловянные глаза. Молодой вмиг побледнел, кивнул и умчался добывать необходимое оборудование.

Наконец всё необходимое было найдено и подключено. Джонни уложили на кушетку, закрепили датчики. На глаза надели специальные очки; транслировавшийся на них видеоряд дублировался на большом экран.

– Смотрите на эти сценки и прислушивайтесь к ощущениям, которые они у вас вызывают.

– Мне надо их как-то комментировать?

– Нет, машина всё сделает за Вас. Можно сказать, что ваша задача состоит только в созерцании и обдумывании увиденного.

– Всего-то? Ха, где же вы раньше были с такой работой?

В смежной комнате и в таких же условиях, расположился действующий глава государства.

– Господин Канцлер, ваша задача немного иная. Вы будете видеть тот же видеоряд, что и Джонни Росс. Но, помимо этого почувствуете его эмоции. Более того, эти чувства в какой-то момент начнут восприниматься вами, как свои собственные. Ощущение будет довольно необычным, но через несколько сеансов вы привыкните.

– Как-то всё сложно. Вы уверены что этого того стоит? Может быть просто подкрутить цифры на голосовании?

Советник печально покачал головой. – Увы, нет. Вмешательства в публичные данные, последующий разгон недо-

вольных электродубинками, это всё давно устарело. Мы на пороге новой эпохи, а значит и методы требуются, иные.

– А по-моему вы всё излишне усложняете. Простые методы самые действенные. Впрочем, ладно, я надеюсь, вы знаете, что делаете. Начинайте!

Канцлер приподнялся с кушетки. Пока с него аккуратно снимали датчики, он помассировал прохладными сухими пальцами гудящие виски. Последние сеансы дались особенно нелегко. Стала сильно болеть голова, появилась немотивированная тревога. Однако он был готов перетерпеть это ради обещанного результата.

– Есть позитивные изменения? – канцлер взглянул на бегущие по экрану столбцы цифр.

– О, да. Количество пунктов совести заметно возросло. Это отметили в прессе и в социальных сетях, – в голосе секретаря чувствовалась торжественность, – Великолепная динамика. Однако я вижу, вас что-то беспокоит? Могу я чем-нибудь помочь?

– Пустое, – отмахнулся канцлер. Он вдруг увидел как его "донор", Джонни, также освободившийся от датчиков, уже собирается было выйти из палаты.

– Господин Росс! – канцлер решительно шагнул за ним. – Могу я с вами поговорить наедине?

Они прошли в просторный кабинет. Здесь пахло дорогой кожей, книгами, старым крепким деревом и едва уловимо

– мастикой. Должно быть, так пахнет сама власть. Хозяин апартаментов разлил по стаканам дорогой напиток, угостил Джонни и предложил своему гостю кресло.

– Так о чём вы хотели со мной поговорить? – Джонни звонко погромел льдом о стекло и оценил, как закручивается в тугую спираль маслянисто-янтарная жидкость.

– Мы с вами уже третью неделю находимся в определённой связке, – Канцлер, словно цапля по болоту, принялся расхаживать по кабинету. – Как вы должно быть знаете, ваши эмоции и размышления об увиденном передаются мне.

– Ага. Вы только не обижайтесь, но я парень простой. И мысли у меня – под стать. Так что ума не приложу зачем вам всё это нужно. Но если хотите знать что думает Джонни о том или другом, валяйте.

– Помните, вам демонстрировали ролик с сюжетом о многодетной матери? Там где она бесконечно долго ждет квоту на социальное жилье? Вы ещё решили, что окажись вы в той же самой очереди, то пропустили бы её вперед. Даже, потеряв из-за этого ещё пять лет своей жизни. Я хотел спросить Вас, – почему? Это же не разумно, ведь она вам никто. Более того, она бы даже не узнала о вашем поступке, а значит Вы не вправе рассчитывать хотя бы на благодарность.

– Честно говоря я не задумался об этом. Просто у каждого из нас есть сердце. И моё говорит: "Джонни, дружок, вот так будет правильно". Вы же сами видели, у неё детишек мал-мала меньше, без своей крыши над головой им очень трудно.

– Признаюсь, мне не совсем понятна эта аргументация, но пусть так, хорошо. А тот эпизод с солдатом калекой? Вы были готовы безвозмездно сдавать кровь целый месяц, для необходимой ему, операции. Вы альтруист? А что насчет вашего желания на добровольную отработку часов в хосписе ради умирающих больных, лишенных кредитования? Джонни, вы уверены что ваших сил и здоровья хватит на всех нуждающихся? И вот посмотрите, я особо отметил – "пожертвование с полученного выигрыша лотереи в размере девяносто пяти процентов". И куда? В фонд переработки пластика?

Джонни Росс насупился. – Что, думаете, все эти деньги разворуют?

Канцлер рассмеялся. Но в этом его смехе отчетливо слышались растерянные нотки.

– Нет, конечно. Но я не об этом. Скажите Джонни, зачем вам это? Вокруг всегда найдется достаточно страждущих, каждому из них помочь не возможно, поймите же! Неужели Вы не хотелось бы сделать лучше свою собственную жизнь?

– Оно, конечно, так. Но моя совесть не дает мне спокойно спать, зная, что есть люди, которые нуждаются в необходимых вещах многократно сильнее, меня.

– Допустим. Но принимая эти решения, неужели вы не сомневались?

– Сомнения конечно были. Я не святой угодник, и порой хочется не только хорошо поесть, но с уверенностью смотреть в завтрашний день. Только знаете, что я думаю? Если

хороших поступков будет больше, то и мир в целом, станет немного лучше. Пусть чуть-чуть, но станет. На это вся моя надежда.

– То есть получается, вы не чужды сомнениям, но готовы перетерпеть сложные жизненные обстоятельства ради призрачного будущего?

– Мудрёно загнули. Но как-то так, да. Минутку! Я ведь что-то такое недавно уже слышал. Погодите-ка, – Джонни напряг лоб, а потом удовлетворенно хлопнул ладонью по столу, – Ну конечно! Алиса! Помнится она так и сказала про коробку лапши, где была нарисована тучка, гадящая ежом: "Надежда через сомнение".

– Алиса? Лапша? Тучка гадящая ежом?

– Точняк. Фунчоза с горохом. Не пробовали? Потрясающая штука.

Через месяц плоды "донорства совести" дали о себе знать. Правда, возникли некоторые, но весьма существенные нюансы. На третьем часу высокого совещания канцлер перешел на крик. Глава государства требовал пересмотреть ключевые решения кабинета министров за последние полгода. Сократить раздувшийся полицейский аппарат. Изменить систему здравоохранения и всерьез заняться экологией. В помещение не было допущено ни одного журналиста. Потому что это была не показательная шумиха, а порка по-существу.

Один из присутствующих тихо обратился к собеседнику:

– Коэффициент его "совестливости" превзошёл все прогнозы. Избиратели в восторге. Но есть и плохая новость. Мне только что сообщили, – пункт "лояльность системе" упал до чрезвычайно тревожного значения.

Собеседник заглянул в экран планшета. – "Лояльность"? Что-то я не помню такой характеристики в базе кандидатов.

– Само собой. Этот скрытый столбец только для посвященных.

– Что же делать? Снимать его с гонки уже поздно.

– И тем не менее мы не можем пропустить на такую должность претендента с подобными показателями. Однако, смотрите, как он разошелся!

– Пора спросить себя: чего действительно мы добились за последние годы? Оглянитесь вокруг! Вам еще не страшно? Мне – да! Есть ли у нас вообще какое-то будущее?? – последние слова канцлер прокричал, яростно чиркая что-то пальцем на столе-планшете.

В зале ахнули. Из ушей канцлера посыпались искры, повалил черный дым, едко запахло паленым. В помещение вбежали техники, была объявлена эвакуация.

– Что это он нарисовал на экране в свою последнюю минуту?

– Похоже на иероглиф.

– У него есть какое-то значение?

– Сейчас-сейчас. Гм. Какая-то ерунда. Система определя-

ет его как "Фунчоза с горохом".

– Что? Должно быть перед выгоранием его палец просто самопроизвольно дернулся.

– Хотя, вот тут есть еще одна трактовка. "Надежда через сомнение". Как-то двусмысленно звучит, учитывая происшедшее, не находите?

– Так. Вы вот что, пожалуй не включайте это в отчет. Просто отметьте – "безымянный хаотической узор в процессе конвульсии".

– Кто-то может дать мне внятное объяснение произошедшего? – владелец строгого, но очень дорогого серого костюма внимательно всматривался в лица присутствующих.

– Видите ли в чём дело, – осторожно начал научный руководитель проекта, – Любому разуму свойственно приобретать опыт, учиться. И наш искусственный интеллект не исключение. Принудительно расширив его порог восприятия, мы действительно увеличили значение одной из характеристик, называемой "совестью". Но при этом, к сожалению, позволили новой доминанте встроиться в мышление, получив на выходе трудно прогнозируемые поступки.

Фигура в строгом костюме указала на стоявшего рядом канцлера. Абсолютно точную копию предыдущего, но пока застывшую в неподвижной позе.

– Прошу вас больше не делать их настолько эмоциональными. Уж слишком они получаются человеческими. А зна-

чит – непредсказуемыми! И ко второму туру голосования воткните уже в кандидатов какой-нибудь предохранитель. Ваши модели слишком быстро перегорают, а значит, непостижительно дорого нам обходятся.

– Не смотри на меня так, я тоже буду грустить по этим местам.

Джонни вздохнул и перевёл взгляд с кота на столь знакомую улицу.

– Знаешь, там, куда мы отправляемся тоже можно делать добрые дела. Раньше у меня не было возможности перебраться к океану, но теперь другое дело. Удивительные ребята; отсыпать столько денег за суши пустяки? Да если бы мне раньше платили за каждый просмотренный рекламный ролик, я бы давно озолотился.

Кот оторвался от миски и недоверчиво дернул ухом.

– Что, блохастый, осуждаешь меня за то, как я распорядился деньгами? Брось брат, много ли нам надо? Но на остаток я купил старенький, надежный трейлер. На нём мы и махнем к побережью.

Кот слегка ударил лапой по миске. Та легко подпрыгнула, показывая, что уже совершенно пуста. Вопросительный "мяв" и внимательный прищур изумрудных глаз.

– Эгей, рыжий! Ты слишком много ешь. Вот уже кому действительно не достаёт совести, так это тебе. Не знаешь, где тут ближайший пункт переливания? Ладно-ладно,

пойдем-ка грузить вещи, отправляемся на рассвете. Я хочу встретить наступающее утро в пути. К нашей с тобой, новой жизни.

Кот нехотя потянулся, встал и махнул пушистым хвостом выписав им замысловатую фигуру. Ценитель мог бы отметить, что это было очень похоже на иероглиф «Жинь».

"Успех, через удовлетворение потребностей".